

**Институализация идеологии.
Общество Воинствующих Марксистов Диалектиков (ОВМД)
в Ленинграде на рубеже 1920-х –1930-х годов**

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в СССР активно проводилась «институализация советского культурного поля»¹. Создание институций, призванных, как правило, служить проводниками сталинской идеологии в культуру, не только ставило эту задачу на государственный уровень, но и обеспечивало надежность ее исполнения, возложенного на специальные подотчетные организации. Подобной участи не избежало и само «идеологическое поле». Несмотря на то, что уже в 1920-е годы марксизм превратился не только в победившую идеологию, но в методологическую установку для любого рода научных исследований², в конце десятилетия постепенно стали уничтожаться прежние институции и почти одновременно создаваться новые.

В декабре 1928 года в Москве по инициативе «компетентных органов» возникает Общество Воинствующих Марксистов Диалектиков (ОВМД), а в 1931 году Сталин осуществляет разгром Института К.Маркса и Ф.Энгельса, основателем и первым директором которого с 1921 года был академик Д.Б.Рязанов³.

Во главе московского ОВМД стал также известный и чиновный пропагандист марксизма-ленинизма и диалектического материализма А.М.Деборин: с 1926 по 1931 год он был ответственным редактором журнала «Под знаменем марксизма», а с 1929 по 1931 – директором Института философии⁴.

¹ Кларк К. РАПП и институализация советского культурного поля // Соцреалистический канон. М.: Академический проект. 2000. С.209.

² Подробно см.: Дмитриев А. «Академический марксизм» и история Академии// Новое литературное обозрение. 2002. №54. С.29–60.

³ Д.Б.Рязанов (Гольдендах) (1870 – 1938), человек европейски образованный, имевший биографию убежденного революционера, позволял себе в любом обществе и лично Сталину говорить правду о слабости вождя в «теоретических вопросах», а также оказывать помощь репрессированным. Рязанов многократно подвергался арестам под надуманными предлогами, последний арест завершился расстрелом в 1938 году.

⁴ А.М.Деборин (Иоффе) (1881–1963), выпускник философского факультета Бернского университета (1908) в 1929 году был избран действительным членом АН СССР, против чего выступал В.И.Вернадский, аргументируя это тем, что «философия, которую он представляет, не является наукой». После встречи Деборина со Сталиным

9 декабря 1930 года начался «культ личности Сталина в философии». (Подробно см.: Боголюбов А.Н. Роженко И.М. Опыт «внедрения» диалектики в математику в конце 20-х - начале 30-х годов. С. 33, 37). Однако к концу 1930-х годов Деборина постепенно стал оттеснять «молодой марксист» М.Б. Митин и в связи с начавшимися

Устав московского Общества был утвержден «Нач. Отдела Адмнадзора НКВД» и опубликован в журнале «Под знаменем марксизма». В обращении Правления Общества «Ко всем товарищам, занимающимся изучением, разработкой, пропагандой марксизма» в качестве причины основания новой организации объявлялась «давно назревшая необходимость создания боевого, централизованного, идейно-монолитного широкого объединения марксистских сил, ставящих своей задачей разработку, пропаганду и защиту диалектического материализма»⁵. Уже в начале следующего, 1929 года, ОВМД стали возникать в большинстве крупных городов и областей СССР.

В 1929 году из СССР был выслан Л.Троцкий⁶, набирало силу преследование «левого» (Г.Зиновьев Л.Каменев и др.) и «правого» (Н.Бухарин, А.Рыков, М.Томский и др.) «уклонов троцкизма». В этот период Сталин нуждался в поддержке самой широкой общественности и научных кругов. В 1929 году в газете «Правда» была опубликована его программная статья «Год великого перелома»; в том же году было отпраздновано пятидесятилетие вождя, который призвал «не жалеть крови для победы социализма»⁷.

В начале «года великого перелома» в ходе «философской дискуссии» «школа диалектиков» А.Д.Деборина одолела «механицистов» А.К.Тимирязева; была объявлена необходимость «поворота на всех фронтах»: не только на философском, но и научном, производственном и хозяйственном. Отныне всем наукам и любой деятельности надлежало стать партийными.

Основную пропагандистскую функцию должна была взять на себя советская наука и в первую очередь АН СССР. Уже постановлением от 27 июля 1925 года Академия наук была объявлена высшим научным учреждением страны. 14 сентября 1925 года в Москве в здании Большого театра с большой помпой было отпраздновано 200-летие Академии. На заседании присутствовали не только советские ученые, но и их зарубежные

идеологическими разногласиями с вождем Деборин был постепенно снят со всех значительных постов, хотя репрессирован не был.

⁵ От правления Общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков // Под знаменем марксизма. 1928. № 12. С. 216.

⁶ Следует заметить, что созданию ОВМД предшествовала в 1924 году организация ОВД (Общества воинствующих материалистов), которую живо приветствовал Л.Троцкий. Он же, приветствуя в 1922 году создание журнала «Под знаменем марксизма», наиболее четко сформулировал основные задачи институций, долженствующих служить чистоте идеологии: метод Маркса «служит ныне преимущественно, почти исключительно для *политических* целей. Широкое познавательное применение и методологическое развитие диалектического материализма целиком впереди». (Цит. по: *Яхонт И.* Подавление философии в СССР (20 – 30-е годы) // Вопросы философии. 1991. №9. С.51).

⁷ См.: *Боголюбов А.Н. Роженко И.М.* Опыт «внедрения» диалектики в математику в конце 20-х - начале 30-х годов // Вопросы философии. 1991. № 9. С.34.

коллеги. Однако в новом уставе Академии содержалось положение, согласно которому ее руководство более не избиралось членами организации, а назначалось Советом Народных комиссаров (СНК). Новый Устав включал в себя три положения, особо подчеркивавших необходимость сближения науки и практики, расширения прав управляющих органов, а также контроля «политлояльности и формы воздействия»⁸. Эти пункты Устава недвусмысленно свидетельствовали о намерении сталинского государства взять науку под полный контроль НКВД, обеспечив не только в идеологический надзор над ней, но и непосредственное проникновение в научные ряды идеологических пропагандистов и соглядатаев, привлечение к этой деятельности самих ученых.⁹

ОВМД строилось по партийному принципу. В его состав входили «действительные члены» - «лица, стоящие на точке зрения диалектического материализма, взгляды которых проверены на практике (в устных и печатных выступлениях)» и просто «сотрудники», имеющие совещательный голос. «Сотрудники» могли быть переведены в «действительные члены» решением общего собрания. Средства на содержание организации поступали не только из членских взносов, но и выделялись правительством. Всесоюзный съезд ОВМД созывался один раз в три года; Правления – ежемесячно. Один раз в квартал должен был подаваться отчет в НКВД¹⁰.

Непосредственно практическая работа возлагалась на «ячейки» ОВМД, организуемых на предприятиях, в научных и образовательных учреждениях.

В Ленинграде ячейка содействия ОВМД при АН СССР была основана 6 апреля 1929 года и, просуществовав около пяти лет, ликвидирована за ненадобностью в марте 1934. Материалы Общества сохранились в Петербургском филиале архива Академии наук, куда они были переданы из архивных собраний Коммунистической академии.

Деятельность ленинградского филиала ОВМД была организована по принципу централизма, действовавшего через вертикаль власти; ЛОВМД подчинялось московским властям и конкретно ОВМД в Москве, однако имело свое Правление и Ревизионную комиссию. Работа велась по двум направлениям: по организации ячеек ОВМД в учебных заведениях и на

⁸ См.: Макаренко В.П. Элитизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2007. Т.5. № 4. С.90.

⁹ Это было одно из проявлений репрессивной политики, направленной на уничтожение интеллигенции и разложение научного сообщества изнутри. Кроме ОВМД этим целям служил Институт красной профессуры (ИКП), Всесоюзная организация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО), журналы «ВАРНТСО», «Научный работник», «Фронт науки и техники» и другие идеологические институции.

¹⁰ СПбО АРАН, ф. 239, оп.1. № 1а. Л. 8–10.

предприятиях, а также по секционному принципу, отражавшему род профессиональных занятий ученых.

В Отчете о деятельности ОВМД за 1929 – 1930 годы ¹¹ значится 5 секций: философско-естественнонаучная; психоневрологическая; антирелигиозная; математическая; секция врачей. В областях, вызывающих особый интерес соответствующих органов, были дополнительно созданы общества биологов-материалистов, математиков-материалистов и т.п. Антирелигиозная секция была непосредственно прикреплена к ленинградскому филиалу Института философии (существовал с 1931 по 1937 год).

«Производственный план» Института философии на 1931 год свидетельствует о том, что в рамках ЛОВМД на это учреждение и была возложена разработка базовой основы пропагандистской деятельности. Среди «основных задач» числились: а) разработка диалектического материализма на философском наследии Ленина; б) разработка проблем исторического материализма на материале эпохи империализма и переходного периода; в) разработка конкретных вопросов методологии естествознания; г) борьба с идеализмом, эклектизмом и внутренними идеалистическими ошибками и уклонами. Здесь же планируется и «коллективная разработка тем», по сути дела, дублирующих «основные задачи»: предмет диалектики в философском наследии Ленина; закон единства противоположностей и его значение в философском наследии Ленина и т.п.¹². Работа по методологии естественных наук и антирелигиозной пропаганде велась отдельно.

В этом же документе отмечается «резкий недостаток квалифицированных марксистов-философов», нужда в которых постоянно растет, и объявлялось о необходимости создания «Философского журнала для заочного обучения научных работников в области естествознания».

Уже в период с 1929 по 1930 год в Ленинграде было создано 25 «ячеек» содействия ОВМД, задачей которых было объявлено «просвещение» не только трудящихся заводов и фабрик (завод Козицкого, Балтийский завод, завод им. Ленина, «Светлана», «Знамя труда», «Красный путиловец», «Коминтерн», «Севкабель», «Электросила» и мн. др.), но и академических ученых и преподавателей вузов. В списке учреждений, охваченных пропагандой «ячеек», кроме Академии наук, в частности, числились: Академия истории материальной культуры, Акушерско-гинекологический институт, Главный Ботанический сад СССР, Институт

¹¹ Там же. Ед. хр. 4, л. 8 и след.

¹² Там же. № 10, лл. 5–6. Беспрепятные упоминания Ленина в данном случае имели не только ритуальный характер. «Воинствующие материалисты» являлись продолжателями и толкователями ленинских идей в прямом смысле: идейной базой для них служила статья Ленина «О значении воинствующего материализма» (1922), направленная против любого рода «поповщины» и утверждавшая гегелевскую диалектику, которую Маркс применял «практически».

мозга, Педагогический институт им. Герцена, Ленинградский государственный университет. В ЛГУ и в Академии наук были задействованы особенно крупные ячейки: 80 и 70 членов соответственно. Во главе каждой ячейки стояло бюро («ядро»), которое, в свою очередь, было подотчетно Общему собранию и Правлению ОВМД.

Деятельность ячеек, призванных окончательно «изжить идеалистические и механистические мировоззрения», довольно скоро была подвергнута критике за недостаточность «разъяснительной» работы, «борьбы с упрощенчеством», а также за «разрозненный характер» проводимой работы¹³. С самого начала на плохом счету оказался Ленинградский государственный университет. На общегородской конференции в мае 1930 года в отчете по нему было зафиксировано: «Работа шла самотеком, ловили преподавателей и больше получали отказов <...> Большинство профессорско-преподавательского состава игнорирует при изложении и изучении совправа метод диалектического материализма». Далее Отчет принимал форму завуалированного доноса: «Речь идет о тех, кто укрывается марксизмом. В области совправа в ЛГУ дело обстоит катастрофически. Чтили память, например, известного фашиста. Преподают такие дисциплины, которым пора в архив. Был случай, когда партиец профессор защищал фашиста-теоретика»¹⁴. Подобные импровизированные «отчеты» (в дополнение к официальным) служили хорошим подспорьем органам НКВД, курировавшим общество «воинствующих марксистов».

По всей видимости, не без влияния таких отзывов именно в 1930 году в Ленинградском университете стала проводиться глобальная реформа под руководством нового ректора Ю.Н.Никича, бывшего заведующего курсами Красных хозяйственников. Реформа была направлена против «феодализма и метафизики», якобы царивших в этом учебном заведении; ее результатом стало уничтожение в нем практически всех гуманитарных факультетов.

¹³ Там же, лл.,109–112.

¹⁴ Там же, ед. хр.3. л.75. О каких «фашистах», якобы почитаемых в ЛГУ, шла речь, можно только догадываться. Характерно, что донос в качестве отчетного выступления приводится без называния имен. Хотя, например, генетику как таковую в те годы нередко именовали «фашистской наукой», а значит, и ее зарубежных основоположников: А.Вейсмана (1834–1914) и будущего лауреата Нобелевской премии (1933) Т.-Х. Моргана (1866–1945) могли характеризовать таким же образом. Не исключено также, что здесь мог подразумеваться, в частности, и доклад В.Ф.Асмуса, профессора МГУ, посвященный немецкому философу Э.-Г. Гуссерлю (1859–1938), создателю феноменологии, утверждавшему философию «без случайных предпосылок» и абсолютную свободу философа как субъекта. К тому же Гуссерль не покинул в 1930-е годы гитлеровскую Германию, оставаясь в руководстве Фрейбургского университета. Во всяком случае, в протоколах ассоциации ОВМД от 5 – 6 июня 1929 года отмечалось, что Асмус будет выступать с докладом о Гуссерле на Всесоюзной конференции 1930 года, которая должна была проводиться и в Ленинграде. (СПБО АРАН, фонд 239, оп.1, №1а, л.5).

Такое положение дел сохранялось с 1930 по 1934 год и почти совпало со временем наиболее активной деятельности ЛОВМД. В этот период в ЛГУ существовал лишь кабинет диалектического материализма. Философию же преподавали на математическом факультете (руководитель кафедры доцент А.С.Поляк)¹⁵ и на биологическом факультете (заведующий кафедрой диалектики природы и эволюционного учения, активный член ОВМД, будущий академик ВАСХНИЛ И.И. Презент). Это приняло форму победоносной борьбы против «реакционного эйнштейнианства», «кибернетической лженауки» и генетики как «фашистской науки», что не только повлекло за собой многочисленные репрессии против выдающихся ученых, но и обрекло СССР на непреодолимое отставание в области кибернетики и генетики, ошутимое и по сей день.

Участие и членство в ОВМД было добровольно-принудительным. С одной стороны, для вступления в него требовались заявление кандидата, рекомендации проверенных товарищей, а также одобрение Общего собрания. С другой стороны, Правления Ленинградского и областного Обществ систематически рассылали извещения в адрес предприятий и учреждений с настоятельной просьбой «сообщить товарищам, еще не зарегистрировавшимся в ОВМД, о необходимости вступить в члены ОВМД и зарегистрироваться у технического секретаря». Этот призыв необходимо находил отклик «на местах». Так, в протоколе заседания Президиума Общества от 22 декабря 1930 года фиксировалось, что «Институт философии при ЛОКА на своем заседании от 7 декабря с.г. постановил *обязать* всех аспирантов проводить свою общественную работу в ОВМД»¹⁶. Для усиления обратной связи его Правление на заседании 28 декабря того же года постановило создать при Правлении «институт уполномоченных от ячеек содействия ОВМД»¹⁷.

Материалы, сохранившиеся в архиве ленинградского филиала Общества, свидетельствуют о том, что внешне его деятельность была сильно забюрократизирована, однако зачастую дела велись достаточно небрежно.

Каждый, желавший вступить в него, заполнял специальную анкету, на него заводилась Учетная карточка, в которой повторялись данные, фигурировавшие в анкете; на карточке делалась пометка о дате выдачи удостоверения. Вместе с тем, судя по заполнению машинописных и рукописных анкет (как правило, в архиве представлены в основном вторые или дальнейшие экземпляры, сделанные под копирку), не всем анкетным

¹⁵ Ленинградское математическое общество, в отличие от московского, было практически разгромлено в ходе «философских дискуссий» уже в 1929 году. (Подробно см.: *Боголюбов А.Н. Роженко И.М. Опыт «внедрения» диалектики в математику в конце 20-х - начале 30-х годов.* С.33).

¹⁶ СПБО АРАН, фонд 239, оп.1, № 23. л.11.

¹⁷ Там же, лл., 39-40.

данным уделялось пристальное внимание. Всегда четко и обязательно заполнялись графы, позволявшие быстро идентифицировать человека: ФИО, год рождения, домашний адрес, место работы, партийный стаж.

Явно меньший интерес представляли род занятий (специальность), список печатных трудов (эта графа заполнялась редко) и даже область будущей «просветительской» деятельности. Как правило, пустовала и графа «Рекомендации». В редких случаях в ней указывалось: меня знает имярек. Преподаватели институтов и сотрудники Академии наук в графе о возможной «просветительской» деятельности обычно указывали: «по специальности» или по «методологии» биологии, математики, физики, естествознания и т.п. Но попадались и курьезные случаи, когда, например, двадцатилетний механик завода им. Козицкого М.В. Курман писал: «Желаю работать в области философии»¹⁸.

Однако в 1933 году, накануне ликвидации Общества, анкета изменилась, в ней стали акцентироваться не только данные, необходимые для идентификации нового члена Общества, но более характеризующие именно его идеологическую направленность и активность. В анкете появились новые графы: Какую пропагандистскую работу ведете? Какую пропагандистскую работу предполагаете вести? Какой вопрос из области марксизма-ленинизма хотите изучать? Над каким вопросом из области специальных наук работаете? В каких общественных организациях состоите?¹⁹

В начале 1930-х годов в Правлении ЛОВМД наиболее активно работали:

профессор ЛГУ, «действительный член» Института философии *Тымянский Григорий Самуилович* (председатель, осуществляющий общее руководство); научный сотрудник ЛГУ, преподаватель Института им. Крупской *Березина Мария Павловна* (организационная работа); аспирант Педагогического института им. Герцена, руководитель семинара по истмату *Капустин Василий Иванович* (учебно-консультативная и массовая работа).²⁰

Среди активистов ЛОВМД часто упоминаются С.Л. Гоникман (член Правления института красной профессуры, заместитель директора ЛОКА); В.Я. Кирпотин (председатель кафедры ленинизма в Военно-политической академии им. Толмачева, член Правления ЛОКА); Б.А. Фингерт (преподаватель политической экономии в Педагогическом институте им. Герцена, директор Государственного института научной педагогики); Л.А. Лейферт (преподаватель в Педагогическом институте им. Герцена, зав. кафедрой ЛОКА); Б.Г. Поташкина (инструктор по идеологической работе в

¹⁸ СПбО АРАН, фонд 239, оп.1, ед хр. 39, л.14.

¹⁹ Там же, л.83.

²⁰ Здесь и далее звания и места работы (наиболее значимые) приводятся мной в соответствии с анкетными данными перечисленных руководителей и активных членов ЛОВМД. – Г.Т.

Академии наук; жена И.И. Презента); А.И.Сорокин (аспирант Института совправа) и мн. др.

К работе в ЛОВМД привлекались маститые ученые и аспиранты, партийные и беспартийные. «Квота» последних была явно ограничена; к тому же членство в партии определяло все: исключение из партии означало потерю членства в Обществе. Так, в протоколе заседания Правления ОВМД от 14.02. 1931 года фиксировалось: «Принимая во внимание правооппортунистическое выступление тов. Гоникмана на заводе «Карл Маркс» и его исключение из партии – считать дальнейшее пребывание тов. Гоникмана в Правлении ОВМД невозможным»²¹

Члены Общества представляли самые разные профессии. Большинство из них были преподавателями в университетах и высших учебных заведениях, что обеспечивало самые широкие и тесные контакты с молодежью. Обращает на себя внимание, что многие активисты ЛОВМД были руководителями или членами Правления ЛОКА (Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР), идеологического учреждения, основанного в декабре 1929 года на базе Ленинградского института марксизма, который был ликвидирован по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б). ЛОКА, в свою очередь, было закрыто в 1936 году, а его институты и учреждения вошли в состав АН СССР.

Работа членов ЛОВМД заключалась, в первую очередь, в чтении лекций на предприятиях и в учреждениях. Лекции, в основном, посвящались вопросам марксизма-ленинизма и диалектического материализма, работам Ленина и Сталина в условиях «обострения классовой борьбы». Общество «диалектиков» по определению должно было уделять достаточное внимание диалектике и логике в философии Гегеля, который, разумеется, толковался с известной ленинской позиции, то есть «ставился с головы на ноги» – применительно к задачам построения коммунизма. В 1931 году было широко отмечено столетие со дня смерти Гегеля.²²

Справедливости ради следует отметить, что в самом начале своего существования (особенно в конце 1920-х годов) представители ЛОВМД вели не только идеологическую, но и действительно просветительскую работу. В частности, читались лекции о Логике Аристотеля, философии Спинозы, об основах христианства и буддизма, о современных

²¹СПБО АРАН, ф.239, оп.1. № 23. лл. 8-9.

²² С изучением Гегеля был связан трагифарс, имевший поистине трагический финал. Для личного обучения гегелевской диалектике самого Сталина от московского ОВМД был направлен один из его первых «действительных членов», видный партийный деятель латышского происхождения Я.Э. Стэн. Он отличался буйным нравом и часто сердился на своего непонятливого ученика, вплоть до того, что тряс его за грудки. Впоследствии несколько раз арестовывался и в конце концов был расстрелян в 1937 году (см.: *Борев Ю.* Сталиниада// Подъем. 1990. №1. С.42-43).

направлениях гегельянства и неокантианства, а также об издании Философской энциклопедии в СССР.

Однако членам ЛОВМД вменялось не только чтение лекций для менее «просвещенных» товарищей, но и обмен информацией между собой: на заседаниях Правления Общества, на собраниях его ячеек систематически делались доклады, как правило, чисто идеологического и пропагандистского содержания. Это давало простор для ожесточенных «дискуссий» по поводу верного или неверного толкования классиков марксизма-ленинизма, для мелких придирок, которые впоследствии могли стать и часто становились залогом крупных неприятностей и даже преследований.

Наиболее частым было обвинение в «троцкистской пропаганде». По этой причине был исключен из ОВМД один из его «первых действительных членов» Н.А.Карев («решение довести до сведения бюро ячейки ВКП (б) при Академии наук»); М.Л.Ширвиндт, отказавшийся признать свои «ошибки» и впоследствии отделавшийся арестом в 1933 году и ссылкой на 4 года в Туруханск.²³

В докладах активных членов и руководителей ОВМД давалась оценка текущему моменту, работе Общества, ставились цели и задачи. В этом отношении типичен доклад Г.С.Тымянского «Перспективы классовой борьбы на теоретическом фронте», прочитанный на конференции ячеек содействия ОВМД 7 мая 1930 года. В докладе подчеркивалось: Общество «самим своим названием <...> показывает, что оно не является просто исследовательской организацией, занимающейся изучением различного рода теоретических вопросов, а является именно воинствующей организацией, которая чутко прислушивается ко всему, что происходит на теоретическом фронте в нашей стране». «Ожесточенную классовую борьбу» Тымянский отмечает во всех сферах жизни, однако утверждает: «нигде классовая борьба не оформляется так, как именно в области идеологии. Поэтому год работы в ОВМД есть год классовой борьбы на теоретическом фронте <...>».

Самую большую опасность докладчик видит в «возрождении мистицизма» в области философии, конкретных наук, в искусстве, а также в жизни советского общества. (По всей видимости, «мистицизм» в данном случае имеет нечто общее с явлением, которое Ленин называл «поповщиной» в статье «О значении воинствующего материализма» – Г.Т.). В области физики и биологии Тымянский считает «мистицизмом» возвращение к «старым, изжитым понятиям “скрытых качеств”». В преподавании диалектического материализма – «перевернутую» пропаганду дарвинизма, утверждающую, что не человек произошел от обезьяны, а наоборот – обезьяна от человека, в силу того, что «обезьяна представляет собою отклонение от нормальной формы». В реальной жизни «мистицизм»

²³СПБО АРАН, ф.239, оп.1. № 31. Дело 1536, лл. 68-69.

усматривается в создании «сект», где «люди тайно проводят монашеские обеты и добиваются экстаза путем пляски в голом виде. Это способ грубого мистицизма непосредственно через половой разврат и т.п. Но есть мистицизм и более тонкий. Есть опьянение чисто духовное, когда люди опьяняют себя не водкой, а мыслью, путем соответственной игры в чисто мыслительные понятия».

В заключение Тымянский отметил: «Вы видите, товарищи, что классовый враг не дремлет, он приспособливается к новым формам развития. Он восклицает: Да здравствует диалектический материализм! Под видом диалектического материализма классовый враг проникает к нам, наконец, выступает откровенно, и с ним, особенно с эклектической формой, которая нам грозит, я думаю, надо вести ожесточенную борьбу»²⁴.

Этот доклад несомненно является ценным документом периода институализации сталинской идеологии и репрессивной политики в научной сфере. Он не только демонстрирует привычную, даже банальную ритуальность идеологического выступления, но, воспринятый с определенной временной дистанции, предстает как своего рода психологический казус, что находит отражение даже в языке докладчика. Психология советского ученого 1930-х годов в последнее время закономерно привлекает внимание исследователей, которые пытаются дать объяснение ее особенностям: «Герметичный язык, идеологически нагруженное содержание, казуистические внутренние дискуссии о том, чья теория самая правильная и марксистская – все это превратило советскую психологию в головоломку, в ребус, для дешифровки которого необходимо хорошо ориентироваться в идеологическом и социальном контексте, уметь читать между строк...»²⁵.

К концу 1930-х годов сформировались определенные архетипы советской психологии, обусловленные внешними условиями: 1. Разрыв между теорией и практикой (идеологизация и политизация психологии); 2. Устойчивость к смене теоретической и методологической «рамки» («гибкость» науки, стремящейся к выживанию); 3. Последовательное избегание «идеалистических» исследовательских тем; 4. «Двоемыслие» в публичных текстах как реакция на цензуру; 5. Интеллектуальная и организационная закрытость; 6. Номенклатурность (должностная иерархия и легитимизация только «своего» в науке); 7. Научный изоляционизм²⁶.

²⁴ Этот документ хранится в: СПбО АРАН, ф. 239, оп. 1, д. 78. Цитируется по выборочной публикации В.С. Соболева: Документы об организации и проведении репрессивной политики в отношении науки и научных кадров в начале 1930-х годов. Документы Общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков. № 1 // <http://www.ihst.ru>.

²⁵ Ясницкий А. Завершева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 349.

²⁶ Там же. С. 345–348.

Если попытаться обобщить названные архетипические свойства психологии стремящегося выжить советского ученого, то основными из них будут: двоемыслие, закрытость и подчиненность – свойства пограничных состояний человеческой психики.

Это, по всей видимости, и стало одним из важных «достижений» ЛОВМД, с помпой открытого в 1929 году и тихо закрытого весной 1934 года²⁷, еще до убийства Кирова, «легитимировавшего» начало большого террора. Во всяком случае несомненно, что истинной задачей Общества была не только борьба за чистоту диалектического материализма и установление тотального идеологического контроля НКВД над Академией наук, высшими учебными заведениями и предприятиями, но и изучение «человеческого фактора»: выявление как «врагов», так и людей наиболее активных, идущих навстречу этому начинанию.

В процессе добровольно-принудительного участия в деятельности ЛОВМД, как правило, происходил слом человеческой личности – вне зависимости от того, оборачивалась ли эта деятельность в пользу карьерного роста или наоборот – мостила дорогу к репрессиям, вплоть до физического уничтожения. Широко известны случаи, когда блестящая карьера заканчивалась тем же, как, например, в случае Рязанова и созданного им Института.

Что же касается ЛОВМД, то его закрытие, как упоминалось, вовсе не завершилось разгромом, хотя его наиболее активные члены явно были взяты «на заметку». К ним, как и ко многим видным идеологическим деятелям, для устрашения нередко применялась своего рода игра «в кошки-мышки»: череда нелепо мотивированных арестов и освобождений, которая очень часто (но не всегда!) заканчивалась физическим уничтожением. И тогда к двоемыслию, закрытости и подчиненности – свойствам пограничных психических состояний преследуемого человека – прибавлялся постоянный страх, сдерживаемый, однако, смутной надеждой на спасение.

Руководитель Правления ЛОВМД Г. С. Тымянский, в процитированном докладе которого в той или иной степени проявились

²⁷ Следует добавить, что в годы наиболее активной деятельности ЛОВМД (1929-1931) проводилось расследование сфабрикованного ОГПУ «Академического дела», в ходе которого за «антисоветскую деятельность» был, в частности, арестован, сослан (умер в ссылке) С.Ф.Платонов (1860-1933), директор Пушкинского Дома и Библиотеки Академии наук с 1925 года. Платонову вменялось в преступление хранение неудобных властям архивных документов: переписки Николая II с петербургским генерал-губернатором Д.Ф.Треповым, материалов посла Временного правительства в Лондоне К.Д.Набокова, архивов партий кадетов и эсеров и др. См.: Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1 / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: Библиотека Российской Академии наук, 1993.

В том же 1934 году Академия Наук, сначала находившаяся в Ленинграде, получила московскую прописку.

качества такого человека, оказался в «расстрельном списке» Сталина под номером 93. По сведениям общества «Мемориал»²⁸, он действительно был внесен и в конкретный список 1936 года, хотя, по всей видимости, расстрелян не был. В разных источниках указания года его смерти не совпадают (1940, 1941 и др.).

В 1937 – 1938 годах были уничтожены часто упоминавшиеся в документах ЛОВМД его активные члены М.В.Курман, А.И.Сорокин, Л.А.Лейферт.

Таким образом, если результатом пятилетней деятельности непосредственно ленинградского филиала ОВМД стало содействие в уничтожении научных школ в области генетики и кибернетики, то сама организация и активизация работы ЛОВМД и других подобных ему идеологических институций несомненно были частью операции НКВД, направленной не только на выявление и уничтожение инакомыслия и инакомыслящих, но и на разобщение людей в научных и других сообществах. По сути дела, это была психологическая подготовка разных слоев советского общества к большому террору, который, по замыслу Сталина, должен быть встречен с пониманием в широких народных массах. И действительно, все самые громкие многолетние дела по преследованию левого и правого «уклонов» троцкизма, открытые в 1920-е годы, во второй половине 1930-х были благополучно завершены полным разгромом и физическим уничтожением оппозиции при одобрении со стороны «советских трудящихся».

²⁸ Здесь и далее см.: <http://stalin.memo.ru/namens/index/htm>.